Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

— Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть.

Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах. Развязывая всякие связки, он попотчевал своего гостя такою пылью, что тот чихнул. Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали её тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех было сто двадцать с лишком. Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности. Спрятав её в карман, он заметил Плюшкину, что ему нужно будет для совершения крепости приехать в город.

— В город? Да как же?., а дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чём будет повесить.

— Так не имеете ли кого-нибудь знакомого?

— Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшки! как не иметь, имею! - вскрикнул он. — Ведь знаком сам председатель, езжал даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый! так уж не к нему ли написать?

— И конечно, к нему.

— Как же, уж такой знакомый! в школе были приятели.

И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то тёплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сёстры кидают с берега верёвку и ждут, не мелькнёт ли вновь спина или утомлённые бореньем руки, — появление было последнее. Глухо всё, и ещё страшнее и пустыннее становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нём чувством стало ещё бесчувственней и ещё пошлее.

— Лежала на столе четвёртка чистой бумаги, — сказал он, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные!

Тут стал он заглядывать и под стол и на стол, шарил везде и наконец закричал: «Мавра! а Мавра!» На зов явилась женщина с тарелкой в руках, на которой лежал сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошёл такой разговор:

— Куда ты дела, разбойница, бумагу?

— Ей-богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.

— А вот я по глазам вижу, что подтибрила.

— Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого; я грамоте не знаю.

— Врёшь, ты снесла пономарёнку: он маракует, так ты ему и снесла.

— Да пономарёнок, если захочет, так достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка!

— Вот погоди-ка: на страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут!

— Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвёртки? Уж скорее в другой какой бабьей слабости, а воровством меня ещё никто не попрекал.

— А вот черти-то тебя и припекут! скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», да горячими-то тебя и припекут!

— А я скажу: не за что! ей-богу, не за что, не брала я... Да вон она лежит на столе. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкин увидел, точно, четвёртку и на минуту остановился, пожевал губами и произнёс: «Ну, что ж ты расходилась так? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она уж в ответ десяток! Подика принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: сгорит — да и нет, только убыток; а ты принеси-ка мне лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла и взявши в руку перо, долго ещё ворочал на все стороны четвёртку, придумывая: нельзя ли отделить от неё ещё осьмушку, но наконец убедился, что никак нельзя; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая расскакивалась по всей бумаге, лепя скупо строка на строку, и не без сожаления подумывая о том, что всё ещё останется много чистого пробела.

Н. В. Гоголь «Мёртвые души»

Выберите ОДНО из заданий (5.1 или 5.2) и укажите его номер в БЛАНКЕ ОТВЕТОВ № 2.

Сформулируйте прямой связный ответ на вопрос в объёме 5–10 предложений. Аргументируйте свои суждения, опираясь на анализ текста произведения, не искажайте авторской позиции, не допускайте фактических и логических ошибок. Соблюдайте нормы литературной письменной речи, записывайте ответы аккуратно и разборчиво.

5.1. Как в приведённом фрагменте раскрывается характер Плюшкина?

5.2. «Плюшкин готов к возрождению, — пишет Е. Ю. Полтавец, — ему надо только вспомнить, что подымать надо не вещи, а душу... Для того чтобы вступить на христианский путь, ему... нужен лишь переворот». Опираясь на приведённый фрагмент, подтвердите или опровергните эту точку зрения.